

Справки по телефону: 8(981)780-97-82
s_rudolf@mail.ru

Смирнов – автомим.

Псевдоним – Ростиславин.

(Рудольф крещён был Ростиславом)

Господь умеет наказывать?! Ведь Бог – есть Любовь и всепрощение... Так почему он не простил Адама – это же его чадо?! А я не прощу своего ребёнка в его шалостях? Не по злему умыслу, а по неведению... Мне говорят, что незнание не освобождает от ответственности. Ответственности перед своей совестью. Именно она является высшим нравственным мериллом. Конечно, если её не истребили здесь на земле...

Остановись, ещё раз стоп – иначе будет больно. Именно боль и сострадание делает нас нравственными людьми, иначе мы просто потребители... Посмотрите на своих друзей или просто соседей. Какие мы все разные и в то же время похожие в своих желаниях и стремлении быть счастливыми. Спросите любого, хочет ли он быть счастливым? И он ответит, конечно, да. А вот как этого достичь, мало кто знает. В детстве всё было просто и доступно. Давай знакомиться... Меня зовут... А тебя? Поиграли пять минут на детской площадке. **И всё – теперь мы с тобой друзья!** Давайте и мы хотя бы поиграем в друзья... Ведь это так просто... Меня зовут... Повернитесь друг к другу, подайте руку и скажите, как вас зовут. Но самое главное – посмотрите в глаза своему будущему другу... Это так просто, и так сложно... Да или нет – это зависит от нас.

Вот мы прошли этот золотой период – детство, а дальше взросление: вам уже 12 или даже 16...

Что было у нас, и как наши дети живут в свои 16 лет? Небо голубое, трава зеленее, мороженое слаще... Я родился после войны. Послевоенное поколение, мы не знали бомбёжки и не голодали в блокаду, мы просто родились в относительно мирный период времени... Диктатор ушёл, впереди была хрущёвская оттепель. В детстве я любил рассказывать сказки своим родителям и сестрёнке... Когда мы ложились спать, я вспоминал то, о чём мне рассказывали в детском саду. Я придумывал разные сюжеты, и события вплетались в мои фантазии...

Так могло продолжаться довольно долго, но всё изменилось – я пошёл в школу. И, думаю, как и все дети, не очень-то хотел учиться, делать уроки... Особенно мне было нелегко вставать утром в 7 часов. На улице зима, снегу выше крыши, метёт метель. А в постели так тепло, ух... Но тут голос мамы: "Вставай, сынуля. Пора в школу". Ой, как не хотелось вставать! Улыбка и даже смех, но тут же окрик: "Вставай, иначе!". Что иначе, сам не знаешь, но уже страшно. Вылезает на холодный ледяной пол босыми ногами, быстро-быстро к умывальнику, вода ледяная, даже сверху корочка льда. Потом валенки, пальтишко, рюкзак, и идёшь, где-то "км...надцать" до школы, ну а там своя история...

Вот одна из них... Жил да был на земле один очень простой и добрый мальчик...

Он никак не мог понять, за что его так часто ругают и обижают... Поэтому решил он больше не слушать нехорошие ругательные слова, а когда его ругали, то он просто улыбался... И, со временем, он улыбался всё больше и больше, всё шире и шире, всё ярче и ярче...

Порой ему было очень грустно... Но улыбаться – прекрасный выход, и, чтобы ни происходило плохого, он улыбался и улыбался... А ещё, когда его очень обижали, ему так хотелось подойти и обнять своего обидчика, и сказать: "Я так люблю тебя. Не надо делать больно никому на этой земле". С каждым днём улыбка его была светлее и радостней, и он улыбался всё чаще и больше... Мама очень злилась, когда он улыбался, но ничего не могла поделать. Постепенно он стал не просто улыбаться, а тихонько смеяться, и это вызывало злость и даже ненависть не только у сверстников, но и у взрослых тоже...»

Потом Рудольф пишет о том, что многие мальчики и девочки могут узнать себя в нём. Не знаю... Я, например, не узнаю. Может быть потому, что я родилась до войны? Женщины в чёрных одеждах, похоронки, плачи, причитания, калек – всё, всё в потаённых уголках памяти. И уверенность: не бросят, пожалеют, приголубят, поделятся последним все эти измученные люди, прошедшие через боль и испытания, через потери и голод.

Но вот далее из его сценария моноспектакля, афиша которого помещена в самом начале:

«Помню себя уже шести месяцев. Не удивляйтесь, я сам себе удивляюсь. Только бывает, что воспоминания вырастают из маленького семечка непонятных ощущений, запахов, чувств и эмоций, переживаний и звуков. Вот с них-то всё и началось... (Фонограмма: звучит закадровый голос Ленина, Сталина, Левитана).

А... у... ога... Ши... ро... ка...

Трататушки-трятата, трятатушеньки... Я присел, пританцовывал в детской кроватке. Кроватка была железная до невозможности, сделана из прутьев, покрашенных белой краской. Но самыми красивыми были хромированные спинки. Я держался за спинку, а губами старался прикоснуться к бокам своей кроватки. Да, они были такими гладкими и блестящими. Трятатушеньки-трятата, трятатушеньки...

Мои родители решили, что назовут меня в честь того или другого деда по-русски, Николаем или Иваном. Представьте, как бы звучало: Иван или Николай Иосифович... Впрочем, а почему бы и нет? Дед Николай – курчавый такой белорус. Когда немцы вошли в Малиновку, его взяли в заложники как еврея и чуть не расстреляли тут же за колхозным амбаром. Второй дед Иван. А отец – Иосиф. Вот и получился Иосиф Иванович...

¹ Г. Дюмонд. Душу мою поразившие. кн. 1, СПб., 2017.

² Геннадий Муриков. Искусство дерзать. ж. Невский альманах, № 5(97), 2017.

«Меня все спрашивают: "Ты что – еврей?" Нет, господя, – не дотянул... Но всё сложилось, как и должно было сложиться. Меня назвали Рудольфом, а спорить с бабушкой было бесполезно – именно она, бабушка Оршуля Юльяновна, вершила всю политику в нашей семье.

(Статная, царственная, породистая полька крупного помола жила в маленьком еврейском городке под названием Рогачёв. Она и моя мама были вечными соперницами, и это не могло не сказаться на отношениях в семье. Папа всегда был на стороне своей мамы. Они даже на улице прогуливались вместе, а мама шла где-то сбоку. Бабушка считала себя польской шляхтой, высшим сословием, а мамини предки были из Белоруссии, т.е. – рыцари. Иногда, под настроение, бабуля рассказывала нам о том, что наш прадед, её отец, долго хранил верительную грамоту, данную ему паном на предмет владения землёй и поместьем. Правда, потом эту грамоту благополучно съели мыши).

Поэтом и меня, и Риту, сестру мою, и брата Ольгерта она называла по своему желанию... Прожив большую часть сознательной жизни чуть ли не Адольфом...»

«... **чуть ли не Адольфом...**» – и всё становится на свои места, стоит только представить себе мальчишку в школе – после войны-то прошло всего ничего – с таким именем. Современным, может, и трудно, мне – нет.

В военное время у нас, на краю поселения, в бараках за колючей проволокой проживали, так называемые, «переселенцы» – обрусевшие немцы, пригнанные, в буквальном смысле этого слова, с южных границ в Заполярье. В основном это были молодые парни. Наверное, оставлять их там, как потенциальных врагов, было, с началом военных действий, опасно. Помню, как их вояжи под конвоем на работы. Помню, как вооружённая охрана пропускала меня через проходную, взрослых бы не пропустили, продавать мамой связанные толстые шерстяные носки и рукавицы. Как сначала было страшно, но они всегда радовались моему приходу, пели песни, русские, угощали меня чем-нибудь сладким.

С окончанием войны проволоки незаметно исчезли, на работы они ходили не строем, по воскресным вечерам танцевали в клубе, ухаживали за девушками. А девушки... Вернувшись с войны почти не было. В бараках исчезли нары, появились перегородки, семейные пары. Моя сестра, семнадцатилетняя Анастасия, вышла замуж за Петра Берга, но при регистрации в загсе они, как и все остальные, записались под фамилией жены – так ненавистны были в то время и имена немецкие, и фамилии. Так было легче существовать, так было лучше для будущих детей.

Так что представить мне было не трудно, а дети бывают часто более жестокими, чем взрослые в таких случаях. Вот ещё из записей Рудольфа: «Каково мне было в школе? – это не просто насмешки, это была борьба за жизнь, за выживание...»

И легче представить озлобленного, всех ненавидящего... Или, наоборот, труса, увёртливого подхалима, заискивающего

подпалу. А уже улыбающегося... и даже – смеющегося. Вот это уже представить труднее... Что-то из ряда вон выходящее.

А дальше... на первый взгляд, как у всех. Поступает в 14 лет в музыкальное училище.

«В музыкальную школу я поступал самостоятельно. Прихожу домой и говорю родителям, что поступил в "музыкалку", хочу учиться играть на баяне, но нужно за это платить. И отец вдруг покупает мне баян Кировской фабрики "Мелодия" с регистром! Вот это – да-а-а!..

Мой отец был всегда закрыт для меня. Я почти никогда не видел его весёлым и жизнерадостным. Только, может, в минуты, когда они с друзьями выпивали, а на утро опохмелялись. Меня забавляло слово "опохмелялись", так как, опохмелившись, компания опять становилась пьяной, и так могло продолжаться очень долго. Пока не вмешивались жены и всё, как правило, заканчивалось скандалами и драками. Позднее я узнал, что это долгое употребление называется запоем. Прилюдно, всенародно мужики били своих жен... (Мы жили в бараках в Пермской области, на Урале, куда занесла судьба моих родителей по веревке или, как сейчас принято говорить, по контракту. Бараки были в своё время жилищем заключённых при строительстве гигантов первых пятилеток). Отец очень страдал от своего несовершенства – у него не было левой руки. Бабушка и мама говорили нам, что он потерял её в 14 лет где-то под Мурманском во время бомбёжки. Но это была легенда, придуманная для нас, а правда... её мы не знаем и сейчас. По одной версии он катался на санках и угодил под поезд... Что же я знаю о нём?

1941 год. Дед Иван, в войсках где-то на севере, на острове Франца-Иосифа, сильно простудившись, заболевает плевритом, и его комиссуют. Он успевает посадить своих детей в эшелон, который везёт их в Шенкурск, в детский дом. Больше они никогда не увидели друг друга... Отец рассказывал, как они с сестрой Фридой собирали очистки картофеля по помойкам. Воспитатель бросила их, группу в 25 штук, маленьких беззащитных, голодных детей, где старшему было 14, а младшей 8 лет, и сбегала с продуктами и остатками тёплого белья. Помойки и вокзалы, подвалы заброшенных домов... "Добрая тётянька, подайте Христа ради..."

Горечь потери отца и... пустой левый рукав рубахи. Ночами ему снится: вот он играет в мяч и – берёт его двумя руками... Кажется, что пальцы шевелятся и хочется удержать мяч, и только короткий крик от пробуждения: "Мама! Мамочка-а-а!.."

Мама... Маму я помню всегда чем-то занятой. Когда она приходила поздно вечером домой с работы и садилась посреди комнаты на табурет, то выглядела такой уставшей. Все заботы по, пусть небольшому, дому были на ней. Всё как обычно: сварить, накормить, убрать, постирать. Только воду надо принести с улицы из колонки, а стирать руками. Вся её жизнь – терпение и работа. Молитва "Отче наш" и тихое крестное знамение перед сном чада своего.

Детство моих сверстников было приложением к многотрудной жизни взрослых. Мы росли сами по себе, как сорняк рядом с родителями, и отдельно от их мира. Само понятие "детство" не имело того сокровенного смысла, как сейчас. Дети были приложением, но всё же счастливым приложением.

Сейчас я вижу те далёкие события через призму прожитых лет и своего опыта. Но даже и он, этот опыт, "сын ошибок трудных", не даёт мне право судить моих дорогих родителей – не дай нам Бог познать ту боль и утраты, что пришлось пережить им».

Да, я почти без правок поместила текст Рудольфа: я боялась испортить это непосредственное описание детских ощущений и мыслей, иногда, с точки зрения взрослых, не совсем логичных, но без потуг приукрасить, поумничать. Я такого ещё не встречала. Но... судите сами, «каждый может сметь...»

«Почему, спрашиваю, в музыкальное?». Вот тут – нюанс. «Не знаю. Фотографировали нас как-то в детском садике. Всем детям дали в руки какую-нибудь игрушку. Собачку там или куклу. Мне дали гармошку».

И это всё? Всё остальное из этого посыла? Случайность ли это или какие-то предначертания свыше? Попробуйте дать ответ... А мне кажется, что в основном именно в эти годы формируется личность. Потом – всё только дооформление. И этой гармошечки в детских руках, может быть, было достаточно для предрасположенности ко всему последующему.

Игрушечная гармошечка в руках и **Музыка...**

«Музыка меня волновала уже с 4-х лет. Любые музыкальные и немзыкальные звуки порождали у меня фейерверк эмоций, захватывали и вели мою фантазию в другой мир, прекрасный и волнующий, как сон, в котором свободно паришь, летишь, как птица. Бывали дни, когда в нашей маленькой комнате собирались гости... Это для нас, детей, всегда было большим событием... Взрослые, немного выпив, а потом ещё и ещё, наконец переходили к музыкальной паузе. Кто-нибудь начинал напевать: "Что стоишь, качаясь, тонкая рябина..." – компания подхватывала, и песня оживала, лилась уже на несколько нестройных голосов. А затем неожиданно громко, как-то на окрике: "Ой, ты Галю, Галю молодая, обманули Галю, увезли с собою..." И, конечно же: "Ой, мороз, мороз..." Слова уже не имели значения, власть музыки захватывала всех, кто пел, поднимала, придавала силы и ощущения какого-то несбывшегося счастья. Лица людей менялись, становились красивыми и вдохновенными, и весь этот мир менялся, становился лучше, светлее и красивей. Я живо представлял себе и тонкую рябину, и коня, и красавицу жену. Эти впечатления были первыми зёрнышками, которые проросли в горячее желание стать – **Музыкантом-исполнителем**. В эти слова я вкладывал весь свой пыл и желание, даже не задумываясь – исполнителем каких песен или какой музыки я хочу стать...

Потом были годы учёбы в музыкальном училище, армейские будни и, наконец, – учаюсь перед выбором. Поступать хотел непременно, но куда?.. Астрахань, Свердловск, Екатеринбург, Москва, Ленинград?.. Решил положиться на фортуна. Вместе сестрой Ритой забрасываем записочки с названиями городов в мохнатую зимнюю шапку-ушанку. Сердце, кажется, готово выскочить через горло... Трясущейся рукой вытаскиваю – Ленинград!..

Долго ли, коротко ли, стою с покложей и с баяном за спиной перед Марининским, тогда ещё Кировским театром. Глинка за моей спиной улыбается, а мне из-за своей дремучести, провинциальности стыдно спрашивать у прохожих, где она эта, не знаю даже, как и назвать. Консерватория или Римского-Корсакова?.. Какая-то сердобольная бабуля, видно, поняла мою растерянность: "Милок, чего ты ищешь?" – "Да, где же эта, эта... Консерватория??" – "Милок, дык она у тебя за спиной..."

А потом – трудно даже описать то состояние. Конкурс преграмадный. Кругом все такие!.. Шансов у меня – ноль. Говорят, кому-то из не поступивших дадут направление в филиал консерватории в Петрозаводске. Но на экзамен иду в каком-то приподнятом настроении, прошагал мимо трясущихся абитуриентов – всё во мне пело и звенело, как в скрипке на ноте ля 440 герц. За экзаменационным столом профессор Петр Иванович Говорушко. "Что будете исполнять?" – спрашивает. Бойко отпарпортовал: "Токката fuga ре минор Баха, сюита из 4-х частей Холминова, вальс "Весенние голоса" Штрауса, русская народная песня "Во лесочке комарочков много уродилось..." – "Ну, сыграйте нам начало Токкаты". Вдохновенно дёрнул меха. Но буквально через минуту: "Достаточно. Сейчас вторую часть сюиты". И опять, только начал: "Спасибо. Теперь вальс, четвёртую вариацию". Выставили через 8-10 мин. – не больше. Ощущение полного провала.

После экзаменов собрали всех в аудиторию. Сначала должны зачитывать и вызывать к столу поступивших. Даже не слушаю, в голове только Петрозаводск – живу хотя бы этой надеждой. Толкают локтем в бок, непонимающе озираюсь, снова толкают... Оказывается, уже два раза назвали мою фамилию...»

В 1982 г. окончил Ленинградскую консерваторию: дирижёр и концертный исполнитель, класс народных инструментов – баян. С 1986 г. работает в Ленконцерте музыкальным руководителем и директором гастрольного коллектива.

В 1990 г. окончил джаз-студию по вокалу и фортепиано.

В 1992 г. художественный руководитель «Театра авторской песни им. В. Высоцкого».

А потом... А потом, кажется, всё пошло прахом – лихие 90-е.

«Никому стали не нужны ни музыканты, ни сама её **Величество музыка**, ни нравственные ценности советского времени: деньги, деньги, деньги, господи. Демократия в кубе, обман в квадрате, бандиты,

приватизация-прихватизация, МММ, "Лёна Голубков купил жене шубу..." И всё же, когда эта чума разделила всю страну на богатых и бедных, я понял: моё спасение – **МОЯ Музыка**. Она и только она...

И Господь не оставил меня, как старуху у разбитого корыта. Как-то, совершенно неожиданно, звонок моего друга Андрея¹. Он срочно предлагает встретиться с музыкантом из Таганрога Геннадием Галицким. Нужен был вокалист на теплоход "Георгий Чичерин"... Всё сложилось как нельзя лучше, и я поплыл по волнам своей мечты. Тогда в 2000-е мы были без работы, страна болела перестройкой-демократизацией, и работа такого рода была просто подарком, я попал, как говорится, в десятку. Фирма "Nikoturez" поставляла немецких туристов с мая по октябрь, мы даём концерты на корабле, это и русская классика, и зарубежная инструментальная и вокальная музыка. Зимой поездки в Германию, Австрию, Швейцарию. Запись дисков в студии и каждодневные репетиции. Я беру уроки немецкого языка, чтобы свободно общаться, занимаюсь вокалом, пишу авторские песни. Однажды немецкий турлидер, звали его Экихард, сказал мне после очередного концерта: "Рудольф, каждый раз Вы улыбаетесь всё шире и шире..." О! Это было, действительно, моё состояние: я не замечал трудностей репетиций, был на высоте блаженства. После концертов мне просто не давали прохода, хотели поговорить, выразить свой восторг, получить автограф. Порой это утомляло, убежал в каюту, уходил прогуляться, но и на улице окружают, просят сфотографироваться. А сколько было сувениров и подарков! Бывали случаи, когда после концерта предлагали приехать в гости, при этом называла меня "Царевич" – я пел арию царевича из оперетты Легара. При этом пожилые немки все, как одна, плакали».

По, в самом начале помещённой, афише можно представить: хорош собой, улыбающийся, и это ни какая-то там контрольная, подвешенная – искренняя, подкупающая улыбка, со вкусом одет, и в этой одежде чувствующий себя органично. И поёт!.. Так что представить не трудно. Андрей Андерсен вспоминал, что когда они в круизных поездках на теплоходах, в гостиницах оказывались рядом – он не существовал. Смеялся, как бедному Рудольфу приходилось порой перелезать на верхних этажах с балкона на балкон через перила, спасаясь от поклонниц.

«Затем настал 2004 г., и судьба сводит меня с американским продюсером. Саша Воск, украинский еврей, художник по профессии, довольно удачно уехал в Штаты и создал для Америки брэнд, под названием "Moscow circus". Под два метра высотой, красавец, полный сил и честолюбивых замыслов, он прогрызал себе карьеру. Меня он пригласил работать в проекте "Изба-Тrio" стиля Кантри – Folk Show как музыкального руководителя и менеджера. Коллектив был создан как гастрольный в проекте "Russian Winter" с американской

Максим Анухин, Лина Карохина, Рудольф Ростиславин после концерта в Северной Ривьере под Зеленогорском

продюсерской компанией "Sasha Vosk globaentertainment". Америка, Германия и Австрия, Индонезия и Финляндия, Израиль и Китай – вот неполный список стран, где побывала "Изба-Trio".

Также коллектив частый гость на концертных площадках Санкт-Петербурга. Совместные проекты с заслуженным артистом России Албертом Асадуллиним, заслуженной артисткой Галиной Бокашевской и Ниной Мещаниновой всегда являются праздником настоящего искусства для зрителей.

В стране разруха, многие заслуженные и народные сидят без куска хлеба и только могут мечтать о зарубежных гастролях, а мы год за годом по 2-3 раза выезжаем в Америку, работаем в больших и малых городах от Аляски до Луизианы. Помню поездку на фестиваль на Бермуды... Мне почему-то всё время вспоминались слова из песни Владимира Высоцкого: "Что Бермудский треугольник, незакрытый пуп земли..." И вот, когда мы летели над океаном, и самолет стало потряхивать в турбулентностях, все, конечно, говоря по-русски, сдрейфили. В то время начинались открываться информационные каналы, и о Бермудах писали как о чёрной дыре, где пропадают корабли, самолёты, люди... Слава Богу, всё обошлось – мы благополучно приземлились. А когда нас поселили в великолепном отеле с видом на океан, с белоснежными халатами и косметикой в джакузи, брэкфаст, завтрак по-нашему, официанты в белых шортах, предлагающие на выбор чай, кофе или джус, видимо-невидимо блюд, о которых я никогда и не подозревал – все страхи развеялись, как дым. А потом фестиваль, праздник музыки, улыбок и обжорства – "ПИРдуха", как говорил мой коллега. Замечательный концертный зал с суперсовременным звуком и светом – об этом мы могли только мечтать в своё время.

¹ О композиторе Андрее Андерсене эссе «Сон АТА» в первой книге «Душу мою поразившие, СПб., 2017».

Анатолий Кузнецов, Рудольф Ростиславин
в концертном зале творческого вечера
А. Кузнецова

Мы представляли народное творчество России, номер с трещётками, ложками, свистульками проходил всегда на ура. Каждый день по два, а то и три концерта, более двух тысяч человек аплодируют стоя, интервью по телевидению и радио, банкеты с администрацией и бизнесменами. В Теннесси мы записываем песню "Дорогой длиною..." с голливудской кантри-звездой Долли Партон. Когда в России американцы увидели фото, где я стою с ней в объёме, они долго смотрели на фото, восхищались и не верили глазам своим. Для них это было тоже, что фото с президентом.

Потом были Индонезия и Доха, Бали и Джакарта. Выступление в Карнеги-Холле, встреча и концерт для детей с мэром Нью-Йорка. И Голливуд. Выпускаю очередной авторский альбом "Америка-Нью-Йорк"...

Многие спрашивали Рудольфа, почему он не остался там?..

«Не знаю... Можно многое чего ещё пона-рассказывать об этой феерической жизни, но... Я как-то стал ловить себя на том, что всё это мне осточертело, кока-колы, всякие там джусы не лезут в глотку, сбегая с банкетов, брожу по улицам, тоска разъедает сердце, селёдки бы с картошечкой... Вспоминаются эмигранты первой волны – каково было им?.. Мы-то могли вернуться, а они?..»

Время – материальная субстанция... А жизнь – это всего лишь поездка в поезде в один конец с названием – судьба. И мы даже не догадываемся, насколько каждое движение нашей души связано с внешним миром. Как неразумные слепые котята тычёмся своим мокрым носом в разные углы и пытаемся понять, что значит эта мокрая лужа на полу под нами, и думаем, что мы много (о как!) значим в этом большом мире.

Вместо спокойной и тёплой жизни в пригороде на свежем воздухе я выбрал мятежную, я бы сказал, шальную жизнь цыгана... Это гастроли в Америку и Индонезию, в Австрию и Германию. Поездки на круизных теплоходах "Чичерин" и "Красин", "Чернышевский" и "Бунин"... А компании "Ортодокс" и "Водоход" могут просто внести нас в красную книгу. **"Они уходят, не допев куплета, когда оркестр в их честь играет туш, актёры, музыканты и поэты –**

Рудольф Ростиславин с голливудской кантри-звездой Долли Партон

целители заблудших наших душ"¹, – вы слышите меня, друзья мои?! Да, это было замечательное время. Вы помните – теплоход "Святая Русь" и незабываемые поездки на Валаам? Встречи у бабушки Мефодия в его архандарике, тосты за здоровье и распевное "Многое лета"?.. Друзья мои, – это время ярких событий, наполненной чаши восторга, хмельной энергии, оно мне и сейчас напоминает момент, когда ты летишь на самолете в отпуск, все в предвкушении дальнейших радостных впечатлений – солнце, море, вино и кайф...

Но я всё время возвращаюсь к тому, что ощущение счастья такое быстротечное, это какие-то мгновенья, а потом снова обида, стресс, непонимание и непринятие друг друга... У меня желание сейчас пробудить в вас и в себе, конечно, чувство стыда, застенчивости и в первую очередь Любви, любви ко всему случившемуся...

Вот уже Вам за 30. Да, позади и школа, и консерватория, и первая влюбленность, а дальше?.. А вот уже 30 + 30: успехи и огорчения, опыт познания и, порой, непонимания сущего, а самое главное, – четыре сыночка и лапочка-дочка!.. А дальше?..

Этот вопрос весьма волнителен своей неизвестностью. Мы пытаемся заглянуть в будущее, но удалось ли это кому-либо? Даёт ли ответ многовековой опыт поисков всего человечества?.. Но есть... есть, уверен, во всём замысел высших сил, высшей справедливости и правды – замысел Бога. Вот когда начинаешь это понимать, чувствовать каждой клеточкой своего организма, своей бессмертной души – вот тогда возникает чувство светлой радости и спокойствия, гармонии и полноты жизни. И чем раньше ты придёшь к этим ощущениям, тем быстрее мир заиграет всеми красками, и жизнь наполнится новым смыслом.

И вот я дома. Выхожу на сцену с многими заслуженными и народными артистами: Эдуард Хиль, Людмила Сенчина, Анатолий Кузнецов (товарищ Сухов), Альберт Асадуллин, Игорь Корнелюк, "Терем-кварти" и т. д. Это моя артистическая жизнь. И это прекрасно, так как и сегодня, и вчера, и завтра я остаюсь верным своей музыке, моей **Музыке**».

«Жизнь, как вспышка молнии, как пустой перрон после того, как поезд ушёл, и жизнь тоже так быстро ушла в другую сторону, и мы помним лишь промелькнувшие перед глазами события, лица, свои ошибки, неудачи и достижения, счастливые случаи, влюбленности и разочарования, и это всё очень быстро с ускорением... Вот он, горизонт, рядом, близко, мы всё быстрее спешим к нему и не понимаем, что он отдаляется от нас со скоростью нашего приближения. Как будто кто-то неведомый не пускает нас, терзая, бережёт от опасности познания лишнего, с чем наше сознание не справится. Но право двигаться вперёд к своей мечте у нас никто не отнимет. Оно в нас, в нашей воле, в нашем праве свободного выбора.

Мне бы хотелось... очень, чтобы эти строки смогли прочесть мои внуки и правнуки...».

Не сомневаюсь, что эти надежды Рудольфа Ростиславина сбудутся.

Галина ДЮМОНД,
Санкт-Петербург

¹ Из песни Игоря Талькова.